

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Суркова Александра Сергеевна

**Художественное и документальное
в прозе США о Второй мировой войне
(1940-е гг.)**

5.9.2 Литературы народов мира

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный

Панова Ольга Юрьевна

руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Официальные

Венедиктова Татьяна Дмитриевна,

оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, заведующая
кафедрой общей теории словесности филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Кабанова Ирина Валерьевна,

доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы института
филологии и журналистики Саратовского национального
исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского

Морозова Ирина Васильевна,

доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры сравнительной истории литератур историко-
филологического факультета Российского государственного
гуманитарного университета

Защита диссертации состоится 13 ноября 2025 года в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.5 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, ауд. 970.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3551>

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Полосина Н.К.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена проблеме соотношения и взаимодействия художественного и документального начал в американской литературе 1940-х гг. о Второй мировой войне. Нас будет интересовать трансформация художественного языка и нарративных стратегий под влиянием беспрецедентного исторического опыта, который поставил под вопрос адекватность традиционных форм и потребовал выработки новых, сочетающих в себе документальный факт и его эстетическое осмысление, подходов к созданию художественной прозы.

Выбор хронологических рамок (1940-е гг.) обусловлен уникальным статусом этого периода как первого этапа осмысления войны. В это десятилетие происходило формирование основного корпуса текстов, заложивших тематические и эстетические основы всей последующей традиции военной прозы в американской литературе. Исследование литературы именно этого периода позволяет выявить истоки и проследить эволюцию ключевых тем и образов, что необходимо для понимания их дальнейшего развития в 1950–1970-е гг. Это десятилетие представляет собой важный этап формирования нового литературного сознания, в рамках которого создавались и оттачивались синкретические способы письма на стыке факта и вымысла, что впоследствии определило развитие не только военного романа, но и таких явлений, как документальный роман (“non-fiction novel”) и «новый журнализм».

Литература о Первой мировой войне (произведения «потерянного поколения») выступила важным претекстом, создавшим определенный набор тем, мотивов, повествовательных моделей и техник. Однако по масштабу и характеру опыт Второй мировой был принципиально иным, что потребовало коренной трансформации сложившегося литературного канона, поиска новых форм для выражения нового опыта: идеологическое противостояние с нацизмом, Холокост, концлагеря, последствия применения атомного оружия.

Освещать события на Тихоокеанский, Средиземноморский, Североафриканский и Европейский театры военных действий отправлялись не

только профессиональные журналисты, но и выступающие в этом амплуа американские писатели; у многих из них уже был опыт участия в предыдущих мировых и локальных военных конфликтах. В диссертации рассматриваются преимущественно произведения авторов, в той или иной роли (рядовой солдат, штабной служащий, член съемочной группы, военный корреспондент) принимавших участие в боевых действиях. Именно их взгляд на войну и осмысление опыта участия в ней представляется нам чрезвычайно ценным, поскольку он основан на непосредственном столкновении с реалиями фронтовой жизни, что обеспечивало высокую степень документальной точности в их произведениях.

Литература 1940-х гг. представляет собой поле сосуществования и взаимопроникновения художественного и документального начал. С одной стороны, документализм (в формах военной журналистики, репортажа, очерка, мемуаров) выступал как источник фактографической точности и выполнял функцию непосредственного свидетельства. С другой стороны, художественный вымысел брал на себя задачи обобщения, философской рефлексии, переживания и преодоления травмы, создания универсальных моделей осмысления произошедшего. В диссертации подробно рассматривается, как соотношение документального и художественного менялось от момента вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну к послевоенному периоду: от доминирования документалистики к расцвету художественных форм, имеющих под собой документальную основу.

В центре исследования будет находиться **проблема** баланса документального и художественного, который определяется, в числе прочего, прагматикой текста: пишется ли произведение в целях пропаганды (например, тексты Э. Колдуэлла о Великой Отечественной войне), является ли выражением авторской позиции (роман Нормана Мейлера «Нагие и мертвые»), или преследует иные цели. Предполагается, что этот баланс был различным в первой (с 1939 по 1945 гг.) и во второй (с 1945 по 1950 гг.) половине десятилетия.

Степень изученности вопроса. Систематическое изучение литературы о Второй мировой войне на Западе началось уже в 1950-е гг. основополагающей работой, задавшей тон на десятилетия вперед, стал сборник эссе Дж. Олдриджа «После потерянного поколения»¹ (1951). Олдридж, сравнивая писателей Второй мировой с «потерянным поколением», приходит к пессимистичному выводу о «вторичности» и эпигонстве нового поколения, которое, по его мнению, не выработало собственного уникального стиля и не имело объединяющей идеи. Влияние Олдриджа на критику военной литературы ощущается и в последующих исследованиях, общим местом для которых стало сопоставление повествовательной техники писателей молодого поколения с лучшими сочинениями Э. Хемингуэя, Дж. Дос Пассоса и Э.Э. Каммингса – так, например, в своей монографии «Художественная литература сороковых годов»² (1963) Ч. Айзенгер отмечает, что молодые писатели, пережившие Вторую мировую войну, нередко были «пленниками стиля», установленного их предшественниками.

Существенным шагом вперед стала монография Дж. Уолдмейра «Американский роман о Второй мировой войне» (1969) – одна из первых попыток систематизации корпуса военных романов. Исследователь, хотя и разделяет отчасти мнение Олдриджа, вводит важную классификацию, выделяя «романы-боевики, психологические романы и те романы, которые из-за тенденции к пропаганде или упрощению идеологического компонента классифицируются как псевдоидеологические»³. Уолдмейр отмечает, что серьезные литературные произведения (среди которых он называет, например, романы Н. Мейлера «Нагие и мертвые» и И. Шоу «Молодые львы»), стремящиеся осмыслить такое экстраординарное событие как Вторая мировая война, представляют собой сложные тексты, мотивированные непростыми социальными, культурными, интеллектуальными и эмоциональными условиями, и вносят гораздо более ценный вклад в понимание нации, ее солдат и войны как таковой, чем массовые

¹ Aldridge J.W. *After the Lost Generation*. NY, London, Toronto: McGraw-Hill Book Company, 1951. 263 p.

² Eisinger C.E. *Fiction of the Forties*. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 392 p.

³ Waldmeir J. J. *American Novel of the Second World War*. The Hague, Paris: Mouton, 1969. P. 11.

приключенческие, психологические или пропагандистские романы о войне.

Интересным для нашей темы становится наблюдение Уолдмейра о том, что большинство военных романистов со знанием дела пишут о вещах, связанных с войной; они особенно искусны в передаче, почти стенографировании, речи военнослужащих, «от ее монотонной непристойности до беспорядочной нечленораздельности»⁴. Здесь исследователь подчеркивает очевидное влияние стиля Хемингуэя, однако и без подражания опыту предшественников молодые военные романисты избрали своим методом правдоподобное, детальное изображение происходящих событий. При этом Уолдмейр одним из первых поставил вопрос о риске «художественной катастрофы» при неумелом синтезе документального материала и вымысла. Исследователь отмечает, что многие авторы попадались в такую ловушку, и лишь некоторым из них удалось умело и изобретательно вплести в повествование достоверное описание боевых действий, не потеряв при этом интерес своих читателей.

Однако внимание Уолдмейра, за исключением упоминаний романа Дж. Херси «Колокол для Адано» и повести Дж. Стейнбека «Луна зашла», в значительной степени сосредоточено на послевоенной художественной прозе, а также на проблеме влияния идеологических установок на литературное творчество молодых авторов-фронтовиков. При всей ценности системного подхода и пронизательных наблюдений исследователя над поэтикой послевоенных романов, хронологические рамки его анализа не позволяют в полной мере опереться на его труд для исследования прозы, создававшейся непосредственно в ходе войны, что и обуславливает необходимость дальнейшей разработки темы.

В 1970-1980-е гг. происходит отход от оценочных суждений в сторону анализа поэтики военной прозы. П. Джонс в книге «Война и военные писатели»⁵ (1976) рассматривает военный роман как своеобразный «роман воспитания» (“Bildungsroman”), где армия и фронт становятся пространством духовного

⁴ Ibid. P.15.

⁵ Jones P. J. War and the Novelist: Appraising the American War Novel. Columbia, London: University of Missouri Press, 1976. 260 p.

взросления и экзистенциального выбора. Дж. Уолш в монографии «Американская военная литература: от 1914 г. до Вьетнама» (1982) предложил рассматривать «военную литературу» не как обособленный жанр, а как центральный элемент всего современного литературного сознания. Он уделяет значительное внимание проблеме столкновения индивидуального художественного слова с официальной пропагандистской риторикой, что напрямую соотносится с темой настоящего исследования.

Значительное место в главе, посвященной Второй мировой войне, Уолш отводит роману Н. Мейлера «Нагие и мертвые», исследуя его стремление к максимальной правдивости в изображении войны, ее механизмов, языка солдат и психологии насилия. Исследователь отмечает, что Мейлер «образно постигает фашизм на всех уровнях»⁶; художественные средства (символика, система персонажей, язык) и элементы документального свидетельства работают в романе на то, чтобы возвести запечатленную реальность в степень универсального трагического мифа, а американскую армию представить моделью будущей социальной организации общества в целом. В монографии также идет речь о том, как в романах Дж.К. Коззенса, Дж. Джонса и Дж. Херси документальные приемы (использование дневников, писем, репортажного стиля) работают на создание эффекта достоверности, а «накопление малозначимых вымышленных деталей» способствуют драматизации сюжета. Несмотря на то, что периоду Второй мировой войны в рамках этого широкого исторического обзора отводится не столь много места, монография Уолша представляет значительную ценность, так как содержит важный методологический задел для нашего исследования, демонстрируя, каким образом документальные элементы интегрируются в художественную структуру текста для решения конкретных идейно-эстетических задач.

В этот же период формируется существенный пласт исследований, посвященных контексту, без которого невозможно понять генезис военной прозы, а именно работе механизмов пропаганды, цензуры и журналистики в условиях

⁶ Walsh J. American War Literature 1914 to Vietnam. NY: St. Martin's Press, 1982. P. 116.

войны. Фундаментальные работы А. Винклера «Политика пропаганды»⁷ (1978), Р. Десмонда «Течения войны»⁸ (1984), а также более позднее исследование М. Суини «Секреты победы»⁹ (2001) детально анализируют деятельность Управления военной информации и Управления цензуры, показывая, в каких идеологических рамках существовали и журналисты, и писатели. Эти труды создают необходимый фон для понимания того, как официальный дискурс влиял на формирование документальной эстетики. Однако данные работы, как правило, сосредоточены на сфере публицистики и социальной истории, практически не затрагивая вопрос о прямом влиянии этих институтов на методы и стратегии собственно художественной литературы, что оставляет пространство для дальнейшего междисциплинарного исследования.

В 1990–2000-е гг. утверждается взгляд на литературу Второй мировой как на уникальное и самостоятельное явление, которое можно рассматривать в отрыве от литературы Первой мировой. Статья К. Бросман «Функции военной литературы»¹⁰ (1992) акцентирует внимание на специфически эмпирическом измерении военного текста, который является одновременно выражением личности автора и коллективных ценностей. Она подчеркивает, что мастерство писателя заключается в способности избежать романтизации войны, используя язык, который «приглашает» читателя в мир достоверного военного быта.

Масштабный труд «Кембриджское руководство по литературе о войне» (2009) под редакцией К. Маклафлин содержит главу У. Хёльблинга «Вторая мировая война: американская литература», которая представляет собой один из самых современных и структурированных обзоров литературы данного периода. Хёльблинг вводит важное разделение на «миметический метод» (доминирующий в 1940-е гг. и ориентированный на психологический реализм и хроникальность) и «постмодернистский метод» (1960–1970-е гг., использующий войну как метафору).

⁷ Winkler A. The Politics of Propaganda: The Office of War Information, 1942–1945. New Haven: Yale University Press, 1978. 230 p.

⁸ Desmond R.W. Tides of War: World News Reporting, 1940–1945. Iowa City: University Of Iowa Press, 1984. 544 p.

⁹ Sweeney M.S. Secrets of Victory: The Office of Censorship and the American Press and Radio in World War II. Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press, 2001. 288 p.

¹⁰ Brosman C.S. The Functions of War Literature // South Central Review. 1992. Vol. 9. No. 1. P. 85–98.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет та часть работы Хёльблинга, которая посвящена первому этапу развития американской литературы о войне, созданной, по его определению, «миметическим методом», наиболее характерным для произведений 1940-х гг. Поэтика таких произведений использует традиционные литературные структуры: основное внимание уделяется рассказыванию истории, хронология которой в целом соотносится с последовательностью событий; персонажи соответствуют традиции психологического реализма, который побуждает читателей отождествлять себя с главными героями, а связь событий хронологически последовательного повествования и сюжетной структуры предполагает установку на правдивость и реалистичность¹¹. Исследователь утверждает, что романы 1940-х гг., используя традиционные формы, не являются вторичными, а решают свои специфические задачи: передачу опыта товарищества, смерти, страха и конфликта внутри армейской иерархии посредством достоверного изображения страшных военных событий.

Среди значимых современных исследований также следует выделить монографию Дж. Хатчинсона «Лицом к лицу с бездной: Американская литература и культура в 1940-е годы»¹² (2018), которая предлагает широкий культурологический контекст для понимания исследуемой эпохи; исследование Р. Скрэнтона «Всеобщая мобилизация: Вторая мировая война и американская литература»¹³ (2019) и сборник «Война и Американская литература»¹⁴ (2021) под редакцией Дж. Хэйток.

Начиная с 1990-х гг. заметный вклад в изучение военной литературы вносят междисциплинарные исследования травмы (“trauma studies”). Особое значение для

¹¹ Hölbling W. The Second World War: American Writing / The Cambridge Companion to War Writing. Cambridge University Press, 2009. P. 214.

¹² Hutchinson G. Facing the Abyss American Literature and Culture in the 1940s. NY, Columbia University Press, 2018. 464 p.

¹³ Scranton R. Total Mobilization World War II and American Literature. Chicago, London: The University of Chicago Press, 288 p.

¹⁴ War and American Literature. Ed.: J. Haytock. NY: Cambridge University Press, 2021. 374 p.

нашего исследования имеют работы К. Карут¹⁵, которая настаивает на том, что травматическое событие не просто принадлежит прошлому, но навязчиво повторяется в настоящем, требуя не простого воспоминания, а своего рода «прорабатывания» через повествование. Важным для нас является ее тезис о том, что травма – это не просто психологическая, но и историческая категория, она требует исторического прочтения и контекстуализации. Именно литература, по Карут, с ее способностью работать с лакунами, повторами и нарушением линейной наррации, становится наиболее адекватным средством для свидетельства о травме. Опираясь на этот подход, можно рассматривать нарративные стратегии в американской военной прозе 1940-х гг. как попытку засвидетельствовать коллективную историческую травму, найти адекватные техники и формы для отражения и преодоления шока войны. Это позволяет проследить, как документальная точность и художественный вымысел, взаимодействуя, служили задаче осмысления глубоких экзистенциальных и травматических переживаний, которые не могли быть выражены напрямую. Значительный вклад в понимание философско-экзистенциального контекста вносят также работы, анализирующие влияние европейского экзистенциализма на американскую литературу (Дж. Коткин, Р. Лехан).

В отдельный блок также следует выделить исследования, изучающие феномен военного репортажа и «литературы факта» как своеобразного «сырья» для художественной прозы. Работы М. Кронквист, посвященные «Хиросиме» Дж. Херси¹⁶, С. Стотта – документалистике 1930-х гг.¹⁷, Дж. Керрейна и Б. Ягоды – истории литературной журналистики¹⁸, а также биографии и исследования творчества отдельных выдающихся военных корреспондентов (Э. Пайла, М. Геллхорн, Э. Марроу) формируют понимание тех повествовательных техник и

¹⁵ Caruth C. Trauma: Explorations in Memory; Literature in the Ashes of History. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1995. 288 p.; Caruth C. Literature in the Ashes of History. Baltimore: John Hopkins University Press, 2013. 129 p.

¹⁶ Cronqvist M. Journalism after Mass Death Memory, Mediation, and Decentring in John Hersey's "Hiroshima" (1946) // War Remains: Mediations of Suffering and Death in the Era of the World Wars. Lund: Nordic Academic Press. 2018. P. 137–155.

¹⁷ Stott W. Documentary Expression and Thirties America. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 369 p.

¹⁸ Kerrane K., Yagoda B. The Art of Fact: A Historical Anthology of Literary Journalism. NY: Scribner, 1997. 558 p.

этических установок, которые были использованы и трансформированы авторами художественной литературы.

Что касается отечественного литературоведения, то его эволюция в отношении американской военной прозы прошла несколько этапов. Американская литература 1940-х гг. в советской критике двух послевоенных десятилетий получила в целом не самую высокую оценку – здесь сыграла свою роль начавшаяся сразу после Второй мировой война холодная война и развернувшаяся в СССР антиамериканская пропагандистская кампания. В книге «Современный американский роман» М.О. Мендельсон так характеризует американскую литературу середины XX века: «Большая часть 40-х и 50-х годов прошла под знаком несомненного упадка американской прозы. Не слишком обильным был литературный урожай военного пятилетия – 1941–1945 гг. А несколько лет спустя наметилось даже более очевидное попятное движение»¹⁹.

К началу 1970-х гг. на первый план выходят исследования, посвященные антифашистской тематике и критике милитаризма. В сборнике «Литература антифашистского сопротивления в странах Европы. 1939–1945»²⁰ положительной оценки удостоились всего два американских автора: А. Мальц с его романом «Крест и стрела» (1944) и Э. Хемингуэй с его антифашистской риторикой и «в целом плодотворным» влиянием на европейскую (в частности, на итальянскую) литературу. А.А. Никифоров отмечает, что для советской американистики было характерно разграничение литературы США на «прозу, создаваемую в рамках идеологии милитаризма, и антивоенный роман»²¹; о первой пишет Р.М. Самарин²², о второй – Н.Ф. Овчаренко²³ и М.О. Мендельсон²⁴. В статье «Сатирическая проза Джозефа Хеллера» Л.В. Маланчук, учитывая все жанровое многообразие романов

¹⁹ Мендельсон М. О. Современный американский роман. М.: Наука, 1964. С. 5.

²⁰ Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939–1945. М.: Наука, 1972. 595 с.

²¹ Никифоров А.А. Проза и поэзия США о Второй мировой войне в отечественном, российском и американском литературоведении // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 42-48.

²² Самарин Р.М. Современный милитаристский роман в США // Проблемы литературы США XX века. АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1970. С. 5–19.

²³ Овчаренко Н.Ф. Современный антимилитаристский роман США. Киев: Наукова думка, 1981. 183 с.

²⁴ Мендельсон М.О. Роман США сегодня. М.: Советский писатель, 1977. 400 с.

США о войне, характеризует общие тенденции и поэтику военной прозы следующим образом: «Американская литература имеет весьма богатые традиции романа о второй мировой войне. Здесь и реалистические “За рекой в тени деревьев” Э. Хемингуэя, “Отсюда и в вечность” Дж. Джонса, “Молодые львы” И. Шоу, и тяготеющие к натурализму “Нагие и мертвые” Н. Мейлера, и полуфантастическая “Бойня № 5” К. Воннегута, и другие произведения. Все эти романы различны по стилю, творческой манере их авторов, по месту, занимаемому ими в американской литературе. Но, несмотря на всю несхожесть, их объединяет одна черта, позволяющая говорить о военном романе США как о едином целостном явлении. Черта эта – критическая, часто сатирическая антивоенная направленность, в той или иной степени присущая каждому из названных произведений»²⁵.

В современном отечественном литературоведении наметился поворот к конкретному поэтологическому анализу проблемы взаимодействия художественного и документального начал именно в американской литературе XX века. Этот интерес проявляется, например, в работах И.Л. Галинской, посвященных экзистенциальным и документальным элементам творчества Н. Мейлера; П.В. Балдицына, исследующего медийные аспекты творчества писателей-журналистов (Дж. Херси и Т. Капоте), и О.О. Несмеловой, обращающейся к жанру “non-fiction” и его связям с художественной прозой. Однако данные исследования носят либо фрагментарный характер, рассматривая творчество отдельных авторов, либо сосредоточены на общетеоретических или историко-литературных сторонах документального метода, но не предлагают целостного анализа именно военной прозы 1940-х гг. как особого феномена, рожденного на стыке документалистики, пропаганды и модернистской эстетики.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных американской литературе о Второй мировой войне, комплексное исследование, сфокусированное на диалектике художественного и документального в прозе 1940-х гг., до сих пор не проведено. В отечественном литературоведении эта проблема долгое время

²⁵ Маланчук Л.В. Сатирическая проза Джозефа Хеллера // Проблемы новейшей литературы США. Киев: Вища школа, 1981. С. 188–215.

оставалась на периферии из-за идеологических ограничений; в зарубежном ее заслоняла тенденция к сравнению с литературой «потерянного поколения» и последующим акцентом на постмодернистской прозе 1960–1970-х гг. и «новым журнализмом». Таким образом, данная диссертация призвана заполнить существующую лакуну, предложив системный анализ того, как документальная основа (репортажный опыт, цензура, пропаганда, идеология) взаимодействует с художественными стратегиями (психологизм, модернистские техники, жанровые эксперименты) в ключевых американских прозаических текстах 1940-х гг., создавая уникальный нарратив о войне.

Для соответствующих разделов диссертации будут привлекаться персональные монографии и биографические издания об отдельных писателях; работы, посвященные исследованию влияния пропаганды и цензуры на американскую литературу; статьи и книги о развитии кинематографа и специфике сценического искусства в военное время; исторические и социологические труды о Второй мировой войне.

Научная новизна работы:

1. Впервые в отечественном литературоведении предпринято комплексное исследование взаимодействия художественного и документального начал в американской литературе 1940-х гг. о Второй мировой войне.

2. В научный оборот введен ряд новых (архивные документы), а также редких и труднодоступных материалов прессы 1940-х гг., включая публикации американских писателей из периодических изданий военного времени. Рассмотрены непереведенные на русский язык и малоизвестные у нас публицистические и художественные тексты (в частности, произведения Э. Колдуэлла, Дж. Херси, И. Шоу, У. Сарояна, Г. Брауна, М. Геллхорн, Ф. Уайли).

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами, отражающими как давний устойчивый академический интерес к теме, так и ее востребованность в современном культурно-историческом контексте.

Вторая мировая война остается смыслообразующим событием XX века,

продолжающим оказывать влияние на современный политический и культурный ландшафт. Литература, созданная непосредственными участниками и свидетелями этих событий, представляет собой уникальный источник для понимания исторического сознания эпохи, механизмов формирования национальных мифов и травматического опыта, что обуславливает неослабевающий интерес со стороны историков, культурологов и литературоведов. В последние десятилетия в американском академическом сообществе и шире – в публичном пространстве – наблюдается новая волна интереса к наследию Второй мировой войны. Этот интерес проявляется в самых разных сферах: в популярной культуре, литературоведении, истории, социологии и других гуманитарных и междисциплинарных исследованиях. Происходит переоценка творчества «военного» поколения писателей (Сэлинджера, Мейлера, Шоу, Хемингуэя) через призму исследований травмы, этики свидетельства и культурной памяти; особое внимание уделяется деятельности писателей-корреспондентов, чья работа стала связующим звеном между фронтом и тылом, а также сложному взаимодействию литературы с государственным аппаратом (цензура, пропаганда военного времени).

Кроме того, интерес к теме исследования стимулируется круглыми датами: годовщины начала и окончания Второй мировой войны становятся катализаторами для переосмысления ее наследия, запускает новые исследовательские проекты, тематические конференции, публикации архивных материалов и общественные дискуссии, в которых документальное свидетельство играет немаловажную роль. Ярким примером неослабевающего интереса служит производство фильмов, сочетающих документальную точность в воссоздании событий Второй мировой войны с популярными мифами и художественным вымыслом, появление все новых экранизаций литературных произведений о войне²⁶.

Предмет исследования – специфика, механизмы взаимодействия и функциональная роль художественного и документального в структуре и поэтике

²⁶ Например, «Спасти рядового Райана» (1998, реж. С. Спилберг), «Перл-Харбор» (2001, реж. М. Бэй), «Хемингуэй и Геллхорн» (2012, реж. Ф. Кауфман), «Дюнкерк» (2017, реж. К. Нолан), «Битва при Арденнах» (2018, реж. С. Люк), «Мидуэй» (2019, реж. Р. Эммерих), «Грейхаунд» (2020, реж. А. Шнайдер), «Оппенгеймер» (2023, реж. К. Нолан) и др.

американской прозы, созданной в 1940-е гг. и посвященной Второй мировой войне. **Объектом исследования** является корпус этих художественных и документально-публицистических текстов.

Материалом исследования послужили художественные и публицистические произведения ряда американских авторов. Среди них военные репортажи профессиональных журналистов (Э. Пайл, М. Геллхорн, Р. Капа, Э. Марроу, Дж. Шелли, М. Бурк-Уайт); мемуары высшего командного состава американской армии (генералы Д.Д. Эйзенхауэр, Дж.С. Паттон) и рядового пехотинца (О. Мерфи); художественная проза и публицистические заметки молодых и начинающих писателей (Дж.Д. Сэлинджер, Г. Браун, И. Шоу, Дж. Херси, С. Беллоу, Н. Мейлер, Дж.Г. Коззенс, У. Сароян, А. Миллер), а также известных авторов старшего поколения, заявивших о себе задолго до начала Второй мировой войны (Э. Хемингуэй, Дж. Дос Пассос, Дж. Стейнбек, У. Фолкнер, Э. Колдуэлл).

О Второй мировой войне в США вплоть до конца первого десятилетия XXI в. было написано от 1500 до 2200 романов, большинство из которых было опубликовано между 1945 и 1958 гг.²⁷. Количество написанной в это время малой прозы не поддается исчислению. Отбор материала для данного исследования был обусловлен его целями и проблематикой, связанной с анализом взаимодействия документального и художественного начал в американской литературе 1940-х гг. о Второй мировой войне. Подобран широкий жанровый спектр текстов: фронтовой репортаж, художественная проза (роман, повесть, рассказ), мемуары, публицистика, что позволяет проследить взаимопроникновение жанровых моделей, а в некоторых случаях – установить «самозаимствования» у авторов, освещающих одни и те же события как в своей публицистике, так и в художественном творчестве (Дж. Херси и М. Геллхорн).

Решение сфокусироваться исключительно на прозаических произведениях (художественных и документальных) и исключить из рассмотрения поэзию и

²⁷ Hölbling W. The Second World War: American Writing. P. 213.

драматургию обусловлено несколькими факторами. В первую очередь, именно прозаические жанры, в силу своей протяженности, описательности и нарративной гибкости, стали основной формой непосредственного отклика на события войны. Центральная проблема работы – трансформация языка и повествовательных техник под влиянием военного опыта, цензуры, пропаганды и развития публицистических жанров – наиболее рельефно проявляется в прозе, средствам выразительности которой доступны сочетание репортажной детализации и документальной точности с обобщающими и философскими возможностями художественного вымысла. Поэзия и драматургия оперируют иными, более условными средствами выразительности (символ, метафора, диалог). Их анализ потребовал бы применения иного методологического аппарата и вывел бы исследование за рамки поставленных задач.

Таким образом, отобранный корпус текстов представляет собой репрезентативную выборку, позволяющую проанализировать магистральные пути развития американской литературы 1940-х гг. о Второй мировой войне в их жанровом и стилевом разнообразии, а фокус на прозе обеспечивает необходимую глубину и методологическую целостность исследования.

Цель исследования – выявление и систематизация ключевых особенностей, характерных для художественных и документальных произведений американских авторов о Второй мировой войне, а также определение их места в национальном литературном процессе. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. Реконструировать социально-политический и культурный контекст США конца 1930–1940-х гг., а также обозначить основные вехи участия страны во Второй мировой войне;

2. Проанализировать прагматику текстов (пропагандистская, информативная, художественно-осмысляющая) и ее влияние на баланс и взаимодействие документального и художественного в произведениях военных и ближайших послевоенных лет;

3. Систематизировать нарративные стратегии и приемы, используемые авторами для достижения документальной достоверности;

4. Установить значение исследуемого корпуса текстов для эволюции военной литературы США XX века, описать и проанализировать его роль как источника базовой топики для разработки и трансформации темы Второй мировой войны в произведениях американских авторов последующих десятилетий.

Методологическую основу исследования составляет историко-литературный метод, который позволяет реконструировать литературный процесс 1940-х гг. и выявить основные тенденции, жанровые и тематические доминанты, а также проанализировать произведения в контексте военно-политической и культурной ситуации эпохи (цензура, пропаганда, деятельность Управления военной информации, влияние экзистенциальных потрясений – Холокост, атомная бомбардировка и т.д.). Для выявления общих и специфических черт в творчестве разных авторов применяется сравнительно-типологический метод, позволяющий систематизировать материал, выделить нарративные стратегии и проследить эволюцию основных тем и образов в рамках всего корпуса исследуемых текстов.

Дополнительно применяются подходы исследований травмы (“trauma studies”), вскрывающие механизмы репрезентации индивидуального и коллективного травматического опыта в литературе. Данный методологический аспект помогает раскрыть, какими художественными средствами передаются психологические последствия войны, и показать, как травма влияет на повествовательную структуру и язык произведений. Обращение к истории журналистики диктуется необходимостью учета специфики работы журналиста на войне, изучения творчества писателей-военных корреспондентов, техник создания пропагандистских текстов и путей взаимопроникновения репортажа, очерка и художественного письма.

Филологический анализ текста (нарратологический, мотивный, стилистический) составляет основу непосредственной работы с литературным материалом. Он направлен на детальное исследование поэтики произведений:

системы образов, особенностей повествования, специфики языка и стиля, взаимодействия документальных и фикциональных элементов внутри текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Американская проза о Второй мировой войне, созданная в 1940-е гг., представляет собой ключевой, системообразующий этап в истории литературной репрезентации и осмысления этого исторического события в США. В этот период складывается базовая топика (дегероизация, военная травма, абсурдность войны и армейской системы, образ армии как бюрократической машины, иерархии страха и насилия), изучение которой является необходимым условием для понимания генезиса, поэтики и проблематики произведений о войне, созданных в последующие десятилетия.

2. Литература о войне 1940-х гг. проходит в своем развитии два четко выраженных периода, обладающих различными эстетическими и идеологическими доминантами:

«Горячий» период (1939–1945): литература военных лет, характеризующаяся установкой на героизирующее мифотворчество. Для этого времени характерна ведущая роль документалистики (репортаж, очерк, публицистика), выполнявшей функции информирования, свидетельства и пропаганды. Художественная проза во многом ориентируется на документалистику, заимствуя ее установку на достоверность и фактографичность или стилизуя фикциональный нарратив под документальное письмо

«Холодный» период (1945 – начало 1950): литература первых послевоенных лет, которой свойственны дегероизация, демифологизация, углубленный психологизм, экзистенциальная рефлексия травматического опыта и критическое переосмысление армейского быта, реалий и итогов войны. Художественная проза «возвращается» к фикциональности и обретает все большую свободу в плане творческой переработки документально-фактографического материала. Документалистика утрачивает функцию оперативного свидетельства, акцент смещается в сторону мемуаров и хроник, направленных на систематизацию опыта

и освещение последствий войны.

3. Цензура и пропаганда в годы Второй мировой напрямую влияли на литературный процесс; документальная литература подвергалась более жесткому контролю и идеологическому влиянию, в то время как художественная проза обладала большей автономией, используя вымысел, иносказание и условность.

4. Соотношение документального и художественного в литературе 1939–1945 гг. определялось прагматикой текста и условиями его создания и не сводилось к простой оппозиции: документальность в военной прозе нередко являлась особой формой художественности, нацеленной на создание эффекта аутентичности и непосредственного присутствия.

5. Доминирование документального или художественного в репрезентации войны напрямую зависит от степени временной удаленности от событий. Документалистика оказалась наиболее востребована и релевантна в момент активного ведения военных действий. Становление художественной литературы о войне требовало длительного времени, обретения дистанции от военных событий; это явилось необходимым условием для глубокого творческого осмысления, претворения фактов и опыта в универсальные философско-эстетические высказывания.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке и апробации эвристической модели для анализа литературного процесса в условиях экстремального исторического события, каким является война. В работе предложена и обоснована периодизация развития американской военной прозы 1940-х гг.; в основе этой периодизации лежит динамика взаимодействия документального и художественного начал в зависимости от степени временной близости к военному конфликту («горячий», военный / «холодный», послевоенный период) и прагматики текста (пропаганда, свидетельство, критика, исповедь, и др.). Результаты исследования вносят вклад в изучение теоретической проблемы взаимодействия документальных и художественных элементов в литературе, уточняя категориальный аппарат для анализа нарративных стратегий на стыке

факта и вымысла. Все это открывает перспективы для дальнейших компаративных исследований военной литературы и журналистики в разных национальных традициях, а также для анализа репрезентации других масштабных исторических травм в художественных и документальных произведениях.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории зарубежной литературы, истории американской литературы XX в., истории журналистики в высших учебных заведениях. Материалы работы могут послужить основой для вступительных статей и справочного аппарата к изданиям художественных и нефикциональных произведений авторов, чьи тексты рассматриваются в диссертации, а также для просветительских мероприятий, посвященных литературе, культуре и истории «военного» десятилетия.

Апробация диссертации. Результаты исследования были представлены в докладах на 10 международных научных конференциях, проходивших в МГУ им. М.В. Ломоносова (апрель 2023, апрель 2025), ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (декабрь 2022, октябрь 2024, май 2025), ИСКРАН, ГАУГН (декабрь 2024), ИНИОН РАН (декабрь 2024), РГГУ (апрель 2025), Казанском федеральном университете (май 2025), Государственном социально-гуманитарном университете г. Коломна (май 2025).

Основные положения исследования отражены в 8 публикациях, 5 из них – в научных журналах из списка, утверждённого решением Учёного совета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Вклад автора диссертации в статьи, написанные в соавторстве с О.Ю. Пановой, составляет не менее половины и заключается в том, что автор диссертации исследовал влияние военной цензуры и пропаганды на публицистику и художественное творчество Э. Колдуэлла, посвященное Великой Отечественной войне²⁸, а также ввел в научный оборот архивные документы из РГАЛИ (Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 39), на основании которых сформулировал и проанализировал

²⁸ Панова О.Ю., Фисенко (Суркова) А.С. Эрскин Колдуэлл в военной Москве (май–сентябрь 1941) // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 189–246.

основные темы, обсуждавшиеся в переписке Э. Колдуэлла с советскими литературными функционерами²⁹.

Структура диссертационной работы: диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений и библиографии, включающей 349 позиций. Общий объем диссертации – 277 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, освещается история вопроса, определяется методологическая база исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновываются актуальность и новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Документ и вымысел: кризис репрезентации и поиск новых форм» закладывает теоретические основы исследования.

В разделе **1.1.** рассматривается, каким образом в американской литературе середины XX века документ и художественный вымысел вступают во взаимодействие. С теоретической точки зрения этот синтез был осмыслен через концепции «художественно-документального» произведения (Лейдерман³⁰); «документального реализма» (Зауэрберг³¹) с его техникой «двойной референции»; «документального модернизма» (Оллред³²) и «слабой документальности» (Дэй³³). Эти концепции подчеркивают специфику литературы, где факт, подвергаясь художественной интерпретации и обобщению, приобретает эстетическую значимость, сохраняя установку на подлинность и правдивость.

В **параграфе 1.1.1.** отмечается, что «художественная документалистика» занимает значимое место в литературном процессе США XX века. Причин для интенсивного проникновения документалистики в художественный текст было

²⁹ Панова О.Ю., Фисенко (Суркова) А.С. Эркин Колдуэлл и СССР: переписка 1935–1943 // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 247–284.

³⁰ Лейдерман Н.Л. К вопросу о художественном потенциале документального произведения / О художественно-документальной литературе. Сб. 1. Иваново. 1972. С. 32.

³¹ Sauerberg L.O. Fact into Fiction: Documentary Realism in the Contemporary Novel. NY: Palgrave Macmillan, 1991. P. 6.

³² Allred J. American Modernism and Depression Documentary. N.Y.: Oxford University Press, 2010. P. 15.

³³ Day R. E. Documentarity: Evidence, Ontology, and Inscription. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2019. P. 1.

несколько: обилие исторических событий глобального значения, темп и насыщенность современной жизни, развитие новых технологий (в фотографии, кино, радио), многообразие СМИ и, в числе прочего, появление феномена иллюстрированного фотоальбома в 1930-е гг. Однако этот расцвет был не столько органическим развитием литературной формы, сколько симптомом глубокого кризиса репрезентации: традиционные художественные языки оказались неадекватны для осмысления масштаба современных катастроф, что породило настоятельную потребность в прямом, документальном свидетельстве как гарантии «правдивости». Отмечается особое место фотографии в документировании последствий Великой депрессии, а также в новой установке крупных периодических изданий на яркое визуальное сопровождение своих публикаций.

В параграфе 1.1.2. прослеживается преемственность и отмечается новаторство литературы о Второй мировой в сравнении с литературой о Великой войне. Американской «военной литературой» (“war literature”) мы, вслед за Дж. Уолшем³⁴, называем тот корпус художественных произведений, в центре внимания которых находится изображение войны и соответствующая проблематика. Исследователь также отграничивает такую категорию, как «военное письмо» (“war writing”) – особый метод написания военной прозы, характерный именно для литературы XX века. Это терминологическое разведение подчеркивает фундаментальный сдвиг: война перестает быть лишь темой или фоном, становясь структурным принципом, организующим сам нарратив, его ритм, язык и систему образов.

В параграфе также предлагается и обосновывается периодизация американской литературы о Второй мировой войне, созданной в 1940-е гг., по двум фазам:

1. «горячая» (непосредственно во время войны), для которой характерно доминирование документальных, репортажных, публицистических и мемуарных форм. Литература здесь выполняет преимущественно функции эмоциональной

³⁴ Walsh J. American War Literature 1914 to Vietnam. P. 1.

экспрессии, непосредственного свидетельства, фиксации факта, пропаганды / контрпропаганды; делаются и первые попытки «по горячим следам» осмыслить переживаемое или только что пережитое потрясение;

2. «холодная» (через годы/десятилетия, с географической и временной дистанцией), характеризующаяся расцветом собственно художественной репрезентации и рефлексии. Писатели анализируют опыт и фактический материал, разрабатывая новые техники, используя сложные нарративные стратегии, символику, мифологизацию, глубокий психологизм для постижения и интерпретации сути пережитого, его последствий для человека и общества.

В условиях Второй мировой войны «горячая» фаза характеризовалась активным сближением профессиональной журналистики и художественной литературы, чему во многом способствовала практика работы писателей военными корреспондентами непосредственно на местах сражений. Новый импульс к осмыслению Второй мировой войны, как это было и с Великой войной, также дали последующие военные конфликты: участие американских войск в Корейской и Вьетнамской войнах подтолкнуло многих авторов, до той поры не писавших о Второй мировой, к мощным антимилитаристским высказываниям (романы К. Воннегута, Дж. Хеллера, У. Стайрона и др.). Осмысление Второй мировой войны в американской литературе продолжается до наших времен: каждый последующий конфликт заставлял пересматривать ее образ, который с годами трансформировался в некий миф, используемый для легитимации или, напротив, критики текущей политики.

Параграф 1.1.3. исследует коммуникативные стратегии военного времени, отдельно останавливаясь на понятиях «цензура» и «пропаганда», активно влиявших на содержание, язык, образы и саму структуру военного нарратива.

Во второй главе «Окопная правда vs. тыловая риторика: поэтика и прагматика американской военной журналистики 1939–1945 гг.» исследуется, как конфликт между «окопной правдой» фронтовых корреспондентов и

героизирующей риторикой тыловой пропаганды формировал поэтику и прагматику американской военной журналистики.

Разделы 2.1. и 2.2. посвящены деятельности профессиональных военных журналистов – репортеров печатных изданий и радиокорреспондентов соответственно: Э. Пайла, М. Геллхорн, Р. Капы, Э. Марроу, Дж. Шелли. Выявляются ключевые особенности поэтики их текстов, задающих тон современного военного письма.

Кроме профессиональных журналистов к освещению событий на фронте были причастны и авторы художественной литературы – их тексты рассматриваются в разделе 2.3. Последующее распределение материала по параграфам осуществляется по территориальному принципу, поскольку писатели, как правило, получали в новостных изданиях аккредитацию на работу на определенном театре военных действий, и ему же посвящали свои репортажи. Центральной проблемой параграфов 2.3.1. («Франция Эрнеста Хемингуэя»), 2.3.2. («Англия, Северная Африка и Италия Джона Стейнбека»), 2.3.3. («Россия Эрскина Колдуэлла»), 2.3.4. («Тихоокеанские острова, Италия и Россия Джона Херси»), 2.3.5. («Палестина и Северная Африка Ирвина Шоу») стало взаимодействие между журналистской практикой и художественным творчеством писателей, работавших в годы Второй мировой войны полевыми корреспондентами. Интерес представляет то, как опыт непосредственного наблюдения, подчиненный цензуре и пропагандистским задачам, трансформировался в их последующих произведениях, и каким образом их уникальный авторский голос, подчас сформировавшийся за много лет до начала войны, влиял на отбор и подачу фактов в репортажах.

В третьей главе «Художественная проза 1939–1945 гг.: голоса с фронта и из тыла» отмечается, что в прозе этого периода ярче всего заявляет о себе публицистичность, тяготение к документальности и достоверному изложению фактов, а также гибкость в отношении требований цензуры военного времени и постоянно меняющейся политической обстановки.

Раздел 3.1. исследует предвестия войны и реакцию американской литературы на Перл-Харбор. Художественная проза 1930-х – начала 1940-х гг., вслед за публицистикой, последовательно разрушала иллюзии изоляционизма, предупреждая о фашистской угрозе и приближающейся войне через своеобразные пророчества, антиутопии, обращение к другим военным конфликтам (С. Льюис «У нас это невозможно», Т. Вулф «Домой возврата нет»). Однако даже на фоне этих мрачных прогнозов нападение на Перл-Харбор стало для Соединенных Штатов шокирующим событием, которое переживалось как национальная травма. Если предвоенная литература анализировала гипотетическую опасность, то теперь писателям предстояло осмыслить реальную войну, в которую незамедлительно вступили США.

Далее рассматриваются произведения, находящиеся на границе между пропагандой и искусством (повесть Стейнбека «Луна зашла» и роман Колдуэлла «Всю ночь напролет» – параграф 3.2.), «литературные фронтовые сводки» – малая проза Дж. Д. Сэлинджера и Г. Брауна (параграф 3.3.), произведения о жизни и проблемах американского тыла (рассказы Фолкнера, романы С. Беллоу «Между небом и землей» и А. Миллера «Фокус»), а также тексты, пострадавшие от прямого воздействия цензуры («Приключения Уэсли Джексона» У. Сарояна, «Райский кратер» Ф. Уайли – параграф 3.4.).

Доминирующей тенденцией американской военной прозы «горячей фазы» стало тяготение к документальности, фактографичности, использованию приемов и лексики, свойственных репортажам или официальным сводкам с фронта. Привнесение в произведения этой эпохи фактических событий, географических названий, дат, упоминание реальных исторических личностей обеспечивало достоверность, а значит, вызывало у читателей ощущение подлинности повествования. Однако этот документализм был далек от объективности: происходил тщательный отбор фактов, обусловленный цензурой, тенденциозностью и идеологической ангажированностью, что вело к конструированию требуемого, одностороннего образа реальности. Литература, по

сути, «призывалась на службу», зачастую теряя автономию и подвергаясь непривычным ограничениям.

Параллельно с этим, военная проза выполняла и другую, интимно-исповедальную роль: она стала способом выражения опыта, который разделяла вся нация. С одной стороны, это были переживания военных, с другой – гражданского населения в тылу. Литература, таким образом, служила формой выражения коллективного напряжения и еще до конца не осознаваемой травмы.

Четвертая глава «От репортажа к рефлексии: трансформация документальных жанров в послевоенное пятилетие» обращается к публицистике, мемуарам и документальным книгам, созданным американскими писателями, корреспондентами и военнослужащими разных рангов. Сиюминутный репортаж с поля боя, доминировавший в военные годы, уступил место более рефлексивным документальным жанрам, призванным не просто зафиксировать, но еще и интерпретировать события. Документальная литература этого периода, находясь на стыке политики, прагматики и поэтики, представляла различные версии правды: личной и официальной, героической и травматической, исповедально-искренней и идеологически ангажированной.

Раздел **4.1.** посвящен мемуарной прозе участников Второй мировой войны. Из многообразия книг воспоминаний нами были отобраны те, которые были написаны в непосредственной близости к военным годам, а также отображали взгляды «сверху» (мемуары генералов Паттона и Эйзенхауэра – параграф **4.1.1.**) и «снизу» (мемуары рядового Мерфи – параграф **4.1.2.**). Паттон, при всей географической широте его кампаний (от Марокко до Германии), демонстрирует тактическое мышление – его мир сужается до поля боя, действий в рамках конкретной операции – и его бескомпромиссную волю как командира. Мемуары Эйзенхауэра – это взгляд с вершины командной иерархии, где военные операции неотделимы от дипломатии, поддержания хрупкого единства коалиции и осознания долгосрочных политических перспектив. Для рядового состава, как показывает книга Мерфи, мемуары стали терапевтическим актом, способом «проговорить»

пережитый ужас, отдать долг погибшим и попытаться интегрировать перенесенные потрясения в личную биографию и общественную память.

Если мемуары предлагали ретроспективный взгляд на прошедшую войну, то пресса и документалистика в реальном времени фиксировали современную ситуацию и активно участвовали в формировании новых идеологических нарративов. В разделе 4.2. внимание сконцентрировано на трех наиболее дискуссионных темах, которые нашли отклик в документальной прозе того периода: нарастание напряженности в отношениях с Советским Союзом (травелог «Русский дневник» Дж. Стейнбека, посетившего СССР в 1947 г.), сложности процесса денацификации Германии (травелог М. Бурк-Уайт «Дорогая родина, спи спокойно» и репортажи Дж. Дос Пассоса с Нюрнбергского процесса) и, наконец, моральная ответственность перед Японией после применения атомного оружия (статья Дж. Херси «Хиросима»).

По мере увеличения временной дистанции от событий войны на первый план выходит задача ее глубокого философского и этического осмысления, переоценки ее опыта и последствий. Доминирование документальных жанров, с их установкой на непосредственное свидетельство и фиксацию, постепенно сменяется приоритетной ролью художественной литературы, способной к более сложному, метафорическому и универсальному высказыванию. Уже во второй половине 1940-х гг. американская литература предъявляет первые серьезные достижения в этом деле: появляется целый ряд крупных, знаковых произведений о войне, ознаменовавших приход в литературу нового поколения ярких авторов, прошедших горнило войны – именно им посвящена **пятая глава** исследования **«Пути осмысления войны в художественной прозе 1945–1950 гг.»**.

Литература этого времени стала полем активных творческих исканий, где документальная правда факта вступила в сложный диалог с его глубоким экзистенциальным и психологическим переживанием. Ключевой характеристикой этого периода стал синтез подходов: документальность и натурализм сочетались с повышенным вниманием к внутреннему миру человека, его этическим и

моральным ценностям, к кризису самоидентичности и попыткам обрести опору в мире, в котором рухнули традиционные представления о добре и зле.

В разделе 5.1. рассматриваются магистральные темы и нарративные стратегии американской военной литературы второй половины 1940-х гг.: разрушительное воздействие армейских порядков, психологизм военной прозы, осмысляющей пережитый травмирующий опыт, влияние на американскую послевоенную литературу идей экзистенциализма, репрезентация в художественной прозе проблем, с которыми столкнулись в армии национальные меньшинства (афроамериканцы, евреи) и женщины. Изображение дискриминации, насилия и других низменных проявлений человеческой натуры в послевоенной художественной прозе стало важным, хотя и болезненным, шагом к более полному и критическому осмыслению истинной цены победы и сложной социальной реальности Америки 1940-х гг.

Следующие разделы посвящены творчеству писателей, побывавшим на войне и отразившим свой опыт в крупных романах или в малой прозе. Подробно рассматриваются романы Мейлера («Нагие и мертвые», параграф 5.2), Шоу («Молодые львы», параграф 5.3), Геллхорн («Точка невозврата», параграф 5.4), Коззенса («Почетный караул», параграф 5.5), Хемингуэя («За рекой, в тени деревьев», «Острова в океане», параграф 5.6), а также рассказы Сэлинджера («Посторонний», «Девчонка без попки в проклятом сорок первом», «Знакомая девчонка», «Хорошо ловится рыбка-бананка» и «Эсме, с любовью и всякой мерзостью», параграф 5.7).

Проза этого времени заложила фундамент для всего последующего осмысления войны, заявив о таких темах, как угнетающее воздействие армейской машины, образ армии как иерархии страха и насилия, обесценивание личности в условиях войны, карьеризм и аморализм армейского начальства, расовая сегрегация и антисемитизм в армии, травма и ее экзистенциальные последствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования: оно выявило динамику в соотношении художественного и документального начал на протяжении 1940-х гг. В период «горячей» фазы (1939–1945 гг.) тексты – как публицистические, так и художественные – выполняли прежде всего задачу оперативного отражения событий, выступая инструментом мобилизации общественного сознания. Не только публицистика, но и фикциональная литература Соединенных Штатов этого периода была ориентирована на запросы военного времени: явная или скрытая пропагандистская направленность, злободневность, репортажность – что заметно как в выборе языковых средств, так и в том факте, что в годы войны создавались преимущественно произведения малых форм; объем большинства романов этого времени едва достигал двух сотен страниц.

В послевоенный период («холодная» фаза, 1945 – начало 1950-х гг.) происходит перераспределение акцентов: снятие прямого давления цензуры и пропаганды совпало с необходимостью глубокого осмысления пережитого травматического опыта. Художественное начало выходит на первый план, беря на себя функции философского анализа природы насилия, исследования психологических последствий травмы и создания универсальных моделей осмысления произошедшего. Документальная основа при этом не исчезает, но трансформируется: она все в меньшей степени служит свидетельству, сообщению фактов, становясь материалом для глубокого художественного обобщения и символизации.

Выбор нарративных стратегий до некоторой степени зависит от типа и специфики военного опыта: так, для писателей-фронтовиков (Сэлинджер, Шоу) была более характерна ориентация на автобиографизм и исповедальность, в то время как писатели-корреспонденты (Херси, Колдуэлл) чаще конструировали обобщенно-символические модели военного опыта. При этом творчество таких фигур, как Э. Хемингуэй и Н. Мейлер, демонстрирует сложное сочетание обеих

тенденций, что подчеркивает многогранность и нелинейность литературного процесса.

Изучаемое десятилетие является самоценным и системообразующим этапом, в котором взаимодействие документального и художественного начал становится важным механизмом репрезентации и осмысления травматического опыта Второй мировой войны, определившим ее тематическое и поэтологическое своеобразие и оказавшим серьезное влияние на дальнейшее развитие американской военной прозы второй половины XX века. Обращение к этому материалу позволяет глубже осмыслить фундаментальные вопросы о соотношении факта и вымысла, а также механизмы трансформации коллективного травматического опыта в универсальные художественные формы, сохраняющие актуальность и по сей день.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Панова О.Ю., Фисенко (Суркова) А.С. Эрскин Колдуэлл в военной Москве (май–сентябрь 1941) // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 189–246. Импакт-фактор РИНЦ: 0,218 (3,2 п.л.). EDN: QSGGLAL.
2. Фисенко (Суркова) А.С. «Америка» и литература: к истории журнала в послевоенном СССР (1944–1952 гг.) // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 271–290. Импакт-фактор РИНЦ: 0,218 (1,1 п.л.). EDN: HGNTKW.
3. Фисенко (Суркова) А. С. Роман Эрскина Колдуэлла «Всю ночь напролет»: художественный текст между пропагандой и искусством // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 160–169. Импакт-фактор РИНЦ: 0,264 (0,6 п.л.). EDN: IDUUYG.
4. Суркова А.С. Армейская проза Дж. Д. Сэлинджера: становление классика (1940–1943) // Вопросы литературы. 2025. № 3. С. 61–73. Импакт-фактор РИНЦ: 0,238 (0,6 п.л.). EDN: YJHZPB.
5. Суркова А.С. «Ваш Иван Херси»: судьба военной прозы Джона Херси в СССР // Литература двух Америк. 2025. № 18. С. 292–313. Импакт-фактор РИНЦ: 0,218 (1,1 п.л.). EDN: SWPSWP.

Иные публикации по теме диссертации:

6. Панова О.Ю., Фисенко (Суркова) А.С. Эрскин Колдуэлл и СССР: переписка 1935–1943 // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 247–284. Импакт-фактор РИНЦ: 0,218 (1,9 п.л.). EDN: QEZJNF
7. Суркова А.С. Художественное и документальное в американской военной прозе: роман Дж. Херси «Колокол для Адано» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2025. № 2. С. 187–201. Импакт-фактор РИНЦ: 0,104 (0,8 п.л.). EDN: WEDMCN
8. Суркова А.С. Поэтика репортажей Джона Стейнбека с фронтов Второй мировой войны // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17. № 3. С. 133–143. Импакт-фактор РИНЦ: 0,417 (1,1 п.л.). EDN: IDOCUX.